

УДК 930.2 03.23.55

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЛИЧНОГО И СОЦИАЛЬНОГО ОКРУЖЕНИЯ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ ПО МАТЕРИАЛАМ АВТОДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ Ю.В. БУТОРОВОЙ 1914-1916 гг.

© 2018 Ю.А. Жердева, Е.И. Сумбурова

Самарский государственный экономический университет

Статья поступила в редакцию 22.06.2018

В статье рассматриваются дневники и письма сестры милосердия Юлии Владимировны Буторовой (1885-1946), написанные в 1914-1916 гг. на Юго-Западном фронте. Авторы предприняли реконструкцию личного и социального окружения сестер милосердия, установив иерархию личных связей, социальных и профессиональных контактов Ю.В. Буторовой. Основным методом исследования стал контент-анализ текста дневников и писем, позволяющий ранжировать семейные, родственные и профессиональные связи по принципу частотности их упоминаний в тексте. Авторам удалось установить значительный круг лиц, упоминаемых Ю.В. Буторовой, определить род их деятельности и характер взаимоотношений. Была определена значительная сеть родственных связей Буторовых-Давыдовых и сформировавшаяся за время службы Ю.В. Буторовой система личных отношений, позволявшая ей оказывать определенное давление на армейское и краснокрестное руководство.

Ключевые слова: история России, Первая мировая война, 1914-1918 гг., сестра милосердия, контент-анализ, дневник, Буторовы, Давыдовы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Самарской области в рамках научного проекта №18-49-630006 «Семейные архивы: проблемы реконструкции и археографии (на примере архива Ю.В. Буторовой)».

В исторических исследованиях первых десятилетий XXI века заметно переключение фокуса внимания историков с изучения событий к изучению состояний. Это наблюдение стало общим местом в исследовании поздней Российской империи 1890-х – 1910-х гг. Особенно ярко эта трансформация наблюдается в изучении Первой мировой войны. В поле внимания историков попали такие сюжеты, как религиозность, этничность, история эмоций, гендер, коммеморации, имагология, актуализирующие различные проявления индивидуальности и коллективности участников войны. Эти изменения, характеризующие явную антропологизацию исторической науки, выдвигают на первый план работу с теми историческими документами, которые позволяют исследовать индивидуальный опыт акторов исторических событий. Такой поворот в сторону «авто-текстов» или «я-документов», как они именуется в зарубежной историографии, поставил перед всеми гуманитарными науками задачу междисциплинарного синтеза, поскольку изучение автодокументальных текстов стало невозможным без объединения усилий специалистов в разных гуманитарных областях (истории, лингвистики, филологии и т.д.).

Жердева Юлия Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры институциональной экономики и экономической истории. E-mail: jujuly@yandex.ru
Сумбурова Елена Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры институциональной экономики и экономической истории. E-mail: elena-sumburova@yandex.ru

Исключительный интерес для данного исследования представляют предпринятые историками попытки выявить особенности женских автодокументальных текстов. Одним из самых влиятельных сегодня исследователей женских текстов и гендерной истории в целом является Н.Л. Пушкарева. Она исходит из того, что, в отличие от мужских авторских жизнеописаний, которые имеют в целом «квазидемонстративный, официально-публичный портрет», женские тексты представляют собой скорее «эмоциональный портрет» автора, а также проявление его творческого воображения¹. Опираясь на это наблюдение, А.В. Белова полагает, что эго-документы «не только служат источниками типичного для своего времени восприятия внешних событий, но прежде всего выражают грань внутриспсихического переживания, сокровенные мечты и страхи, сознательные и бессознательные стратегии действия и вытеснения, являются своеобразным дисплеем женской субъективности»². Проблематизация методологии подобного подхода к женским текстам вызвала проведение ряда точечных исследований, демонстрирующих специфику анализа эго-документов на конкретных примерах³.

При этом для историка важно понимание лингвистического инструментария работы с текстом. К примеру, анализ женских автодокументальных текстов XIX века, предпринятый И. Савкиной, позволяет сформулировать основные вопросы, через призму которых следует рассма-

тривать личность автора-женщины: Что мотивирует автора? Как автор репрезентирует свое Я? и т.д.⁴ Следует отметить, что подобный анализ текста редко интересует историка, работающего с женскими эго-документами, поскольку в большинстве работ, посвященных этим текстам, по-прежнему преобладает стремление вычлени из текста события. Немногочисленные исключения из этого пока еще общего правила – публикация женских текстов, осуществленная О.Р. Демидовой⁵.

Благоприятным условием для расширения инструментария историка в работе с автодокументальными текстами является публикация мемуаров и дневников участников и современников Первой мировой войны, в том числе сестер милосердия. В частности, были опубликованы воспоминания сестры милосердия Т.А. Варнек, записки А.А. Ждановой, записки Х.Д. Семиной, дневник В.И. Чеботаревой, воспоминания Л.Л. Васильчиковой, представительниц императорской семьи⁶, фрагменты воспоминаний А.Ф. Пущиной, В.Ф. Татариновой и ряд других текстов⁷. Среди опубликованных на сегодняшний день автодокументальных текстов дневники составляют меньшинство. В этой связи обращение к женским дневниковым записям периода Первой мировой войны является необходимым звеном в формировании фундаментальных подходов к пониманию, комментированию и изданию женских автодокументальных текстов.

В основе данного исследования лежат военные дневники и письма Юлии Владимировны Буторовой (1885-1946), которые были написаны ею в 1914-1916 гг. Все это время, будучи сестрой милосердия, Буторова находилась на Юго-Западном фронте, сначала при 2-м передовом санитарном поезде Красного Креста⁸, с 14 марта по 9 апреля 1916 г. – во главе одного из летучих отрядов при XI армии, а с июня 1916 г. – в составе 2-й Ксениевской летучки при 18-м корпусе XI, а затем VII армии⁹. Дневник обрывается в декабре 1916 г., однако известно, что Ю.В. Буторова находилась на фронте вплоть до осени 1917 г.¹⁰

Целью данной статьи является реконструкция личного и социального окружения Юлии Владимировны Буторовой. Установление иерархии личных связей, произведенное на основании анализа упоминаемых в тексте дневников Ю.В. Буторовой лиц, а также ранжирование ее социального окружения позволят включить семью Буторовых в социальный контекст эпохи – придворный, дворянский, чиновный и военный, – и дадут в руки исследователей инструмент для более глубокого проникновения в текст ее дневников.

Для выявления иерархии личного и социального окружения Ю.В. Буторовой авторы использовали метод контент-анализа. Этот ме-

тод формализованного исследования больших текстовых массивов призван упорядочить хаотичное, разбросанное по всему объему записей упоминание интересующих авторов лиц, дает возможность выстроить их иерархию по принципу частотности и смоделировать варианты отношений Ю.В. Буторовой в кругу семейных, родственных и профессиональных связей.

Ограничения использования этого метода для широких обобщений вызваны фрагментарностью имеющихся записей: Ю.В. Буторова вела их нерегулярно, в тексте дневников есть большой перерыв, с августа 1915 г. до марта 1916 г., который отчасти восполняется сохранившимися текстами не отправленных ею писем (их адресат на данный момент точно не установлен – на титульном листе рукой Ю.В. Буторовой подписано «отдать Алексею Крейгелю», а в литературе высказывается мнение о том, что речь идет об Алексее Клейгельсе)¹¹. Прерывается текст августом 1916 г. Кроме того, методом контент-анализа можно лишь констатировать определенную статистическую частотность в тексте, но ее сложно однозначно объяснить. Количество упоминаний того или иного лица в дневнике может быть вызвано не столько значением этого человека для эмоционально-психологического состояния автора текста, сколько обыденными внешними обстоятельствами, в то время как действительно значимые лица (в данном тексте это, несомненно, адресат писем) оказываются «фигурами умолчания», установить которые помогает лишь аналитический метод работы с текстом.

Начальным этапом исследования было построение гипотетической иерархии личного и социального окружения Ю.В. Буторовой, которая сформировалась у авторов при работе с текстами дневников и писем. Далее был произведен контент-анализ, который позволил более четко структурировать группы в личном и социальном окружении Буторовой, упорядочить в них вертикальную иерархию по принципу частотности упоминаний в тексте, а также уточнить основание для выделения самих групп.

Контент-анализ проводился по следующим критериям: количество упоминаний в тексте; взаимосвязи; контекст упоминаний; частотность упоминаний по годам. Полученные данные были сведены в один массив, и на основании его анализа авторами статьи была смоделирована следующая система личных и социальных связей Ю.В. Буторовой: личное окружение, сослуживцы, случайные знакомые.

Первый уровень упоминаемых в дневнике лиц – личное окружение Ю.В. Буторовой: семья, родственники, друзья и близкие коллеги, с которыми у нее сложились особые, доверительные отношения. Основным критерием объединения лиц в эту группу являлась установленная в ходе

генеалогических изысканий сеть родственных связей, а также анализ содержания текста дневников, показывающий личный характер отношений с людьми.

Авторам удалось выделить лингвистический критерий для определения особо близких к Ю.В. Буторовой лиц – характерное для текста дневников обозначение близких лиц уменьшительно-ласкательными прозвищами или редуцированными вариантами имен. Так, в тексте мать Ю.В. Буторовой, Софья Николаевна Буторова (1862-1940), всегда «Мамá»; брат, Николай Владимирович Буторов (1884-1970), – «Котя» или «Котик»; племянница, Софья Константиновна Шабельская, – «Софочка»; дальние родственники Екатерина Николаевна и Михаил Николаевич Скалон – «Катя» и «Мика»; близкие подруги Анастасия Андреевна Кузьмина-Караваева – «Ната» и, возможно, «Настасья», Мария Францевна Кох – «Маруся»; знакомые армейские чины – барон Андрей Романович фон Кнорринг – «дядя Андрей», князь Георгий Николаевич Сумбатов – «Сумбатик», Александр Федорович Баумгартен – «Бум» или «Бумочка» и т.д. Стоит уточнить, что «Ната» [Кузьмина-Караваева] и «дядя Андрей» [Кнорринг] – формы обращения, которые бытовали в окружении Ю.В. Буторовой. Любопытно, что в воспоминаниях матери Ю.В. Буторовой также встречаются подобные сокращения, что позволяет предположить некую семейную привычку помимо распространенной в обществе культурной нормы¹².

Частотность упоминаний членов этой группы – с августа 1914 по март 1915 г. сопоставима с частотностью упоминаний армейского руководства, которое определяло основные действия на том участке фронта, где находилась Ю.В. Буторова, и потому часто ею называлось. К примеру, Мамá и генерал А.Н. Селиванов одинаковое число раз появляются в ее записях. В дальнейшем это соотношение меняется: во второй тетради, с апреля 1915 по июнь 1916 г., личное окружение заметно уступает по частоте упоминаний армейскому руководству или сослуживцам по Красному Кресту, исключение составляют только появившиеся у нее в 1916 г. приятели – армейские офицеры из штаба VII армии, 146-го пехотного Царицынского полка и ряда других армейских частей.

Первая подгруппа в личном окружении Ю.В. Буторовой – ее семья: мать, брат с сестрой, зять и племянница. В 1914 - начале 1915 г. на страницах дневника чаще всего появляется ее мать – Софья Николаевна Буторова. Две трети упоминаний о матери связаны также с сестрой, Ольгой Владимировной Буторовой, в замужестве – Шабельской. В первые месяцы войны (до декабря 1914 г.) «Мамá и Оля» предстают в тексте самыми частыми адресатами беспокойства. Причи-

ной его было преимущественно отсутствие постоянного сообщения. Ежедневно, а порой и ежедневно, Ю.В. Буторова пишет о том, что не получает от них писем, переживает, представляет их волнение о себе самой, своем брате и зяте, которые также находятся на фронте, просит знакомых при случае позвонить им в Петербург.

Интересно, что, в отличие от матери, о которой Буторова неизменно пишет с обожанием, о сестре она порой высказывается с явным чувством обиды и даже ревности. В период, когда коммуникация с сестрой есть, она восклицает: «Счастливая Оля. Никакая жизнь – даже самая деятельная и полная – не заменит семью, мужа и такую Софочку»¹³. Когда же писем от сестры нет уже долго, тон дневника меняется: «Оля так мало мне пишет, и так мало находит, что мне писать, когда здесь каждая строка мне дорога»¹⁴ или «Олечка как будто забыла. Или она так поглощена Костей и Софочкой, что я для нее больше ничего не значу»¹⁵.

Особое место в дневнике Ю.В. Буторовой занимает ее племянница, дочь Ольги и Константина Шабельских – Софочка. Незамужняя в то время Юлия Буторова, не имевшая еще своих детей и ушедшая на фронт в том числе из-за потребности освободиться от сковывавших ее мыслей о собственном замужестве, в первые месяцы войны сильно скучает по девочке, постоянно о ней думает – так что в самый разгар военной операции, отступления русской армии и распространения дифтерита она идет в город (Львов. – прим. авт.) покупать девочке куклу¹⁶. Больше всего она беспокоится о том, чтобы получить фотографию Софочки: «Теперь я развесила все фотографии и мне приятно иметь их всех около меня»¹⁷.

О брате, Николае, Ю.В. Буторова особенно часто пишет в период активных военных действий на Северо-Западном фронте, где он находился, – с конца ноября до середины декабря 1914 г., – и исключительно в контексте беспокойства за его жизнь и здоровье. В половине случаев она упоминает о том, что молилась за брата¹⁸. В записях 1915-1916 гг. тон дневника становится более сдержанным. Буторова лишь дважды упоминает о брате в 1915 г., когда речь заходит о доме, а в 1916 г. только раз в тревоге замечает: «Храни его, Боженька, и упаси. Так страшно, что и думать не хочется»¹⁹. Переживание страха за близких, особенно за воюющих брата и зятя, со временем вытесняет мысли Ю.В. Буторовой в пространство эмоциональных переживаний, воплощением которых являлась для нее молитва. Судя по дневникам, в 1915-1916 гг. она все реже думает о доме и семье, а в те моменты, когда эти воспоминания ее захватывают – молится за них. Семейное окружение постепенно вытесняется из мыслей Ю.В. Буторовой подругами по

службе в отряде и армейскими приятелями, а беспокойство о близких все больше сопрягается с желанием смягчить им удар в случае ее гибели на войне: «Мысль о смерти приходит нам всем в голову. Перекрестили друг друга. Я попросила Нину, если со мной что-нибудь случится, осторожно дать знать Мама»²⁰.

Вторую подгруппу личного окружения Ю.В. Буторовой в тексте дневников составляют ее родственники. Бутовы, представители Симбирского дворянства, по женской линии – потомки Дениса Васильевича Давыдова. Предки Бутовых-Давыдовых в той или иной мере имели отношение к армии: почти все мужчины являлись кадровыми военными, действующими или в отставке. Гражданское образование, правда, по настоянию матери, получил только брат Юлии Владимировны – Николай²¹, однако и он с началом Первой мировой войны ушел на фронт помощником уполномоченного I-го Петроградского передового отряда имени В.С. и С.П. Елисеевых²². Из женщин многочисленной родни Юлии Буторовой, кроме нее самой, на фронте были ее троюродная тетя – Екатерина Николаевна Скалон, урожденная Хомякова, и троюродная сестра Ольга Николаевна Давыдова²³.

В записях 1914 г. Ю.В. Буторова часто упоминает Екатерину и Михаила Скалон, находившихся на том же участке фронта, что и она. Муж Е.Н. Скалон, Михаил Николаевич Скалон (1874–1943), – генерал, командир 36-го Орловского пехотного полка. Когда в начале 1915 г. военные дороги Буторовой и Скалон разошлись, их имена перестали встречаться в дневнике.

Характерно, что все сделанные Ю.В. Буторовой записи о родственниках в той или иной степени связаны с военными действиями. Несколько раз она пишет о своем дальнем родственнике «дяде Ване» – полковнике Иване Алексеевиче Амбразанцеве-Нечаеве (1866–1914), командире 175-го Батурина полка, погибшем в бою 24 ноября 1914 г. в Галиции. Все упоминания о нем окрашены личными переживаниями: сначала сожалениями о том, что она не знала о его гибели и не смогла «достойно проститься», хотя его везли тем же поездом, что и бригаду Ю.В. Буторовой, затем – изумлением от известия о его давнем «романе с Мамá», наконец, явным удовольствием от разговора с солдатом бывшего полка «дяди Вани», из которого она узнала, что его в полку уважали за то, что он «ел всегда из котла и уговорил офицеров делать то же, и что от этого пища солдат была удивительно вкусная»²⁴.

Среди родственников Ю.В. Буторовой оказались и представители руководства Красного Креста, которые приезжали с инспекцией на место ее службы – в частности, известный общественный деятель Николай Алексеевич Хомяков (1850–1925), отец Кати Скалон. Об одной встрече

с ним она записала в дневнике: «В Львове был Хомяков и Терещенко. Делали ревизию и сказали, что я идеальная старшая сестра»²⁵. Однако родственные отношения не избавляли ее от «критического разноса», о котором она также пишет в дневнике²⁶. В то же время она вполне прагматично использовала родственные связи для того, чтобы обойти решения руководства, казавшиеся ей непрактичными с точки зрения административной или просто нежелательными с личных позиций. Такова, например, история ее жалобы Алексею Алексеевичу Брусилову (1853–1926), командовавшему в 1914 г. VIII армией Юго-Западного фронта: «Если бы взорвали этот мост, 8-ая армия голодала бы, по крайней мере, 2 недели. Я об этом сегодня написала Андрею Бенкендорфу (троюродному брату, начальнику связи штаба VIII армии. – прим. авт.), чтобы он доложил Брусилову»²⁷.

В третью подгруппу личного окружения Ю.В. Буторовой можно выделить ее подруг – сестер милосердия. Контент-анализ дневника показал динамику ее отношений с подругами уже к середине 1915 г. и смену иерархии наиболее близких ей друзей. В первые месяцы войны она чаще упоминает своих довоенных подруг – родственниц или однокурсниц по Екатерининскому институту и краткосрочным курсам медицинских сестер при Кауфманской общине: Нату Кузьмину-Караваеву, Катю Скалон, Марусю Кох (Марию Францевну Кох), Мару Туркову (Марию Кузьминичну Туркову), Агу Голицыну (Аглаиду Павловну Голицыну). Аглая Голицына 26 сентября 1914 г. получила назначение в один из лазаретов общины Красного Креста²⁸, и в дальнейшем их общение свелось к переписке. Мара Туркова, видимо, была переведена.

Со второй половины 1915 г. круг подруг Ю.В. Буторовой замыкается уже исключительно на девушках, с которыми она вместе работает в поезде, а потом в передовом отряде: Надя Кох (Надежда Францевна Кох, сестра Маруси Кох), Ирина Урусова (княжна Ирина Николаевна Урусова) – к 1916 г. уже «Надюша» и «Ириша», а также Нина и Настасья, точно установить личности которых пока не удалось. И хотя частота упоминаний Надежды Кох в 1916 г. даже выше, чем ее сестры, из текста все-таки следует, что Мария Кох была не просто сослуживицей, а близкой подругой и наперсницей Юлии Владимировны, посвященной в ее сердечные тайны, в то время как о Наде и Нине она пишет, как правило, в рядовых коммуникативных ситуациях. Заметно выделяется Ирина Урусова, с которой весьма религиозная Юлия Буторова частенько ходит в церковь, что, вероятно, связывало быт девушек еще более тесно. Любопытно, однако, что, упоминая о сестре Ирины, Марине Николаевне Урусовой (в замужестве Вогак) и рассуждая не-

сколько раз о том, как у нее меняется мнение о ней, Юлия Владимировна ни разу не упоминает о родственных связях с Ириной.

В целом, судя по тексту дневников, девушек этой группы связывали не только трудовые будни, смертельная опасность и тяжелая физическая работа, но и совместный отдых, прогулки, беседы на отвлеченные темы, споры о литературе, музыке и женской эмансипации. Ю.В. Буторова довольно часто писала о событиях, происходивших с ее подругами: влюбленностях, отношениях с родственниками, разговорах. С осуждением она пишет о влюбленности одного есаула в Надежду Кох: «Она для него мечта, ангел, сошедший с небес. Эта барышня, говорящая на всех языках, кажется ему недоступным божеством. А для нее это ни к чему не нужная победа...»²⁹. В то же время она искренне радовалась за Марию Кох, когда ту наградили медалью за отвагу, упомянув, что это был второй случай награждения сестры милосердия на Юго-Западном фронте. При этом Буторова не скрывает своего ревнивого отношения. «Как жаль, что меня там не было», – пишет она об эпизоде, за который была награждена М.Ф. Кох³⁰. Только в марте 1915 г. сама Юлия Владимировна в составе всей поездной бригады была награждена Георгиевской медалью IV степени³¹.

С некоторыми из своих подруг Юлия Владимировна продолжила общаться и после окончания войны. В частности, Надежда Кох стала женой ее брата Николая и матерью двух ее племянников – Владимира и Марии. С Натой Кузьминой-Караваевой она встретилась в эмиграции в Швеции и общалась с ней до своего отъезда в Германию³².

Наконец, отдельную подгруппу в личном окружении Ю.В. Буторовой составляли приятели – офицеры полков, входивших в 37-ю дивизию XI армии, штабные офицеры VII армии, II кавалерийского корпуса. Эта группа лиц выделяется лишь по данным 1916 г., однако она довольно многочисленна: самыми частыми героями ее рассказов становятся кн. Г.Н. Сумбатов (командир 146-го пехотного Царицынского полка), Швиковский (личность пока установить не удалось, возможно, один из представителей рода Повало-Швийковских), бар. А.Р. Кнорринг (генерал для поручений при военном генерал-губернаторе Галиции в 1914-1916 гг.), А.Ф. Баумгартен (подполковник, старший адъютант штаба 7-й армии), Т.К. Ваденшерна (начальник 37-й пехотной дивизии), кн. В.А. Вяземский (адъютант великого князя Михаила Александровича – командира Дикой дивизии) и некоторые другие. Этот круг общения сложился в бытность работы Ю.В. Буторой в передовом отряде при XI армии, что придавало статичность и постоянство отношениям. Его появление показывает форми-

рование к третьему году фронтовой жизни своего рода «зоны комфорта» – «очеловечивания» фронтового быта, перемещение в него привычек довоенной светской жизни (званных обедов, вечеров с «песельниками», прогулок за цветами и пр.), привыкания, приспособления к фронту, который стал к 1916 г. частью обыденной жизни, где есть место не только работе или героизму, но и кокетству, флирту, романтике – всему тому, что в 1914 г. Буторова осуждала или отвергала.

По документам и воспоминаниям участников войны, сестры милосердия на фронте пользовались большим вниманием со стороны мужчин. На фривольное поведение барышень-сестер обращают внимание и современные исследователи³³. Дневник Юлии Буторовой содержит двойное понимание этого явления. С одной стороны, она показывает, что компания сестер милосердия, в которую она входила, старалась вести нравственный образ жизни, пробуждая в мужчинах рыцарские начала, а не первобытные инстинкты. К примеру, она упоминает о пьяной выходке одного офицера, явившегося к медсестрам «развеять скуку и развлечься», которая закончилась грубым скандалом³⁴, и пишет о том, что такое моральное поведение сестер вызывало уважение солдат и офицеров, которые видели в общении с сестрами возможность «отвести душу ... и облегчение в походной жизни»³⁵. С другой стороны, иногда она жалуется на то, что ей не давала спать компания сестер с заведующим отрядом, которые всю ночь курили и громко смеялись³⁶. В 1916 г. она часто пишет о том, как сестры в компании с офицерами 146-го пехотного Царицынского полка и штабными разъезжали на авто, распевали песни или хохотали: «пришли в дико веселое состояние духа. Говорили глупости, пели стихи»³⁷ или «проводил нас Вяземский и говорил такой вздор, что мы все 4 помирали со смеху»³⁸. Вряд ли подобное поведение сестер воспринималось солдатами, не принимавшими участие в офицерском веселье, в том «нравственном» духе, о котором она пишет.

Второй круг общения – социальное окружение Ю.В. Буторовой – в тексте ее дневников состоит из руководства Красного Креста, коллег по работе, армейских офицеров тех частей, в которых работает ее отряд, а также из раненых, некоторых из которых она называет в дневнике по именам. Это самая многочисленная группа лиц в ее окружении – не менее 45 человек. В отношениях с ними заметны два формата: первый – отношения с близкими по духу и взглядам на жизнь коллегами, некоторые из которых входили в число армейского руководства, второй – общение с людьми, контакты с которыми носили скорее формальный, деловой характер, чем личный. Отношения с ними складывались по-разному: одним эмоциональная и имевшая устойчивую си-

стему взглядов Ю.В. Буторова симпатизировала, сочувствовала, с другими – спорила, ссорилась. В дневнике есть несколько эпизодов, где Буторова дает отрицательные характеристики достаточно известным лицам: например, принца Александра Петровича Ольденбургского, верховного начальника санитарной и эвакуационной части, во власти которого были все лечебные, санитарные и эвакуационные учреждения на фронте и в тылу, она называет «полунормальным стариком, который смотрит исключительно на пустяки и не видит массы упущений»³⁹.

В дневнике заметно преобладание частоты упоминаний не столько непосредственных сослуживцев Ю.В. Буторовой, сотрудников Красного Креста или санитарной и эвакуационной части, сколько военного командного и офицерского состава. В период службы в поезде, в 1914 - начале 1915 г., чаще других Ю.В. Буторова упоминает генерала Андрея Николаевича Селиванова (1847-1917); он для нее не просто командующий XI армией, но и отец близкой подруги – Наты Кузьминой-Караваевой. С переходом в передовой медицинский отряд круг ее знакомых существенно расширился. В него добавились кн. Г.Н. Сумбатов, кн. В.А. Вяземский, Швиковский, А.Ф. Баумгартен, ген. Т.К. Ваденшерна, Д.Г. Щербачев (командующий VII армией и отец Сони Щербачевой – сестры милосердия, о которой Ю.В. Буторова однажды упоминает), М.И. Шишкевич (начальник штаба XI армии), вел. кн. Михаил Александрович (сын императора Александра III, брат Николая II, командующий Дикой дивизией), хан Эриванский (Керим хан Аббас-Кули хан оглу Иреванский (Эриванский), адъютант командира Кабардинского конного полка), Малисагов (личность не установлена) и др. Как видим, значительная часть этих военных быстро стала кругом приятелей Ю.В. Буторовой, о котором мы говорили выше.

Из непосредственного руководства Ю.В. Буторова чаще всего упоминает Петра Владимировича Вогака (1884-1959) – особоуполномоченного Красного Креста при XI армии. На страницах дневника П.В. Вогак предстает не только хорошим руководителем, заботившимся о своих подчиненных, но и «умным, честным, порядочным человеком», о котором Юлия Владимировна говорит, что «таких очень мало и потому они вдвое ценнее»⁴⁰. С особоуполномоченным при VII армии – Александром Николаевичем Крупенским доверительных отношений не сложилось, напротив, был даже конфликт, разрешившийся, впрочем, в пользу сестер милосердия.

По службе Ю.В. Буторова постоянно общалась со службами, опекавшими РОКК: главноуполномоченным Красного Креста на Юго-Западном фронте Б.Е. Иваницким, его помощником Н.А. Хомяковым, начальником канцелярии осо-

боуполномоченного по XI армии В.Э. де Бонди, уполномоченными передовых отрядов Красного Креста М.И. Терещенко, В.А. Маклаковым, начальником 13-го передового отряда И.Н. Салтыковым, докторами, начальниками транспорта (Брюхотов, Смирнов, Гойнингген-Гюне, Палибин, Нежинский, Шереметев, Захаров и др.). По тексту дневника заметно, что общение с ними, за редким исключением, сводилось к обсуждению вопросов санитарной деятельности, жалобам или просьбам. Например, 29 декабря 1914 г. Буторова, негодуя по поводу халатности И.Н. Салтыкова, записала в своем дневнике: «Не знаю, к чему это приведет [она пожаловалась генералу А.А. Брусилову на руководство отряда, привезшего на эвакуацию «раненых, почти голых, в рваном белье, без сапог, с мокрыми протекшими повязками в бессознательном состоянии]», но считала бы себя преступницей, если бы не доводила до сведения власть имущих то, что творится у них под глазами и те страшные злоупотребления, кот[орые] делаются их именем»⁴¹.

По тексту явственно прослеживаются сложные взаимоотношения, сложившиеся между двумя ведомствами, ведавшими медицинской службой в годы Первой мировой войны: Российским Обществом Красного Креста (РОКК) и военно-санитарным управлением армии. Несогласованность действий, отсутствие четкого разграничения полномочий, «нездоровая» конкуренция между военным ведомством и РОКК затрудняли совместную деятельность по организации медицинской помощи раненым и больным. Этот конфликт в какой-то мере был заложен принципом элитарного управления краснокрестных организаций. Многие руководящие должности в РОКК занимали представители высших слоев бюрократии, отставные генералы или придворные чины⁴². Это приводило к активному вмешательству с их стороны в ход медицинского дела на фронте. Буторова описывает в дневнике историю перевода санитарного отряда, в котором она служила, из XI армии в VII, когда медсестры, используя свое знакомство с руководством штаба и считая перевод нецелесообразным, пытались этому помешать.

Ее сослуживцы – участники передового отряда, в котором она служила с весны 1916 г., были постоянными ее спутниками. С сестрами милосердия, как мы показали выше, она была в дружеских отношениях, с врачами и заведующими хозяйственной частью – врачом Константином Ивановичем («дядей Костей»), студентом М.И. Добровольским («Михрюткой») и студентом А. Тарашенко («Тореадором») поначалу была в приятельских отношениях. Даже то, как она их называет в дневнике, свидетельствует о том, что они стали близки. Однако летом 1916 г. отношения в отряде разладились.

Во время кампании 1916 г., судя по тексту дневника, самым тревожащим для Ю.В. Буторовой и потому самым часто ею упоминаемым событием стала неприятная история с одним из ее сослуживцев – Михаилом Ивановичем Добровольским. Молодой студент, назначенный в апреле 1916 г. начальником передового отряда, в котором служила Ю.В. Буторова, поначалу вызвал у нее интерес своим «красивым, но странным лицом»⁴³. Она жалела его, отмечая его трудную судьбу: «иногда хочется подойти и погладить его по голове. Так просто, чтобы показать ему ласку, которую он ... никогда не испытывал»⁴⁴. Однако ее отношение к М.И. Добровольскому изменилось после некрасивой истории с сестрой милосердия Ниной. Они собрались пожениться, но неожиданно выяснилось, что «Михрютка», как стала именовать его в дневнике Ю.В. Буторова, оказался «альфонсом». Нина попыталась свести счеты с жизнью, отравившись морфием. В результате обстановка в отряде стала просто невыносимой, и все высказались за увольнение М.И. Добровольского. Уезжая из отряда, тот украл казенные деньги в размере 1200 рублей. Ю.В. Буторова, описывая эту историю, высказывается крайне резко⁴⁵.

Довольно много места в дневнике Буторова отводит раненым. Естественно, она общалась с ними постоянно, однако по частоте упоминаний заметна тенденция уменьшения числа описаний случаев с ранеными в 1916 г. по сравнению с 1914 г. Возможно, это объясняется тем, что изменились сами условия службы (с поезда на отряд) и она реже стала оказываться на передовой, или на это повлияло изменение отношения к службе, о котором мы писали выше. Чаще всего на страницы дневника попадали неожиданные ранения, мужественное поведение раненого или, напротив, курьезы. Ей жалко раненых, она сочувствует им. Из 36 раненых или погибших, о которых она пишет, только девять названы по именам: есаул Чернецкий, Юрий Малинин, Тадеуш Соколовский, Володя, Яша, Филипп, Семен, а также особенно ее растрогавшие Витя Гербель и Тимофей Дзахов (лучший офицер Царицынского полка, полный Георгиевский кавалер).

Наконец, в отдельную, третью группу социального окружения Ю.В. Буторовой мы выделили тех, с кем она встречалась лишь однажды, на официальных церемониях, в вагоне поезда или на званных обедах. Этот круг лиц не так велик, как второй, и большинство из них упоминается на страницах дневника лишь однажды. Реконструкция этого круга общения имеет чисто прикладной характер – она показывает обширные знакомства с широчайшим кругом придворных, чиновников, генералов и офицеров, земских служащих, солдат и т.п. Среди этого круга лиц можно выделить в первую очередь, членов им-

ператорской семьи, опекавших Красный Крест (великих княгинь Ксению Александровну и Елизавету Федоровну, Милицу и Анастасию Черногорских), императора Николая II, приезд которого во Львов она описывает, великого князя Николая Николаевича – верховного главнокомандующего до лета 1915 г. С определенными подробностями пишет она о властях Галиции: военном генерал-губернаторе А.А. Бобринском, губернаторе Львова – Скалоне.

Общаясь с высокопоставленными лицами, чиновниками или военачальниками, Ю.В. Буторова описывает эти случаи как рядовые события. Например, о деятельности Верховного Главнокомандующего русской армии в 1914-1915 гг. великого князя Николая Николаевича (1856-1929) она в одном месте пишет с восхищением о его смелости и мужестве⁴⁶, а в другом – критикует за приказ о немедленном вывозе из Львова тяжелораненых, считая это попросту убийством солдат⁴⁷. Также критично она высказывается и об Иванове и Радко-Дмитриево. Специфика службы Ю.В. Буторовой сестрой милосердия предполагала постоянный контакт с общественно-политическими деятелями, особенно с теми, кто участвовал в работе Красного Креста, как Н.Н. Львов или В.А. Маклаков (с последним она спорила о деле Бейлиса).

Таким образом, реконструкция личного и социального окружения Ю.В. Буторовой, осуществленная методом контент-анализа текста ее дневников и писем 1914-1916 гг., позволила выстроить иерархию личных и социальных связей, проследить их динамику, хорошо заметную при картировании частотности упоминаний, установить круг лиц, взаимодействие с которыми могло сопрягать личную (родственную или дружескую) коммуникацию с профессиональной, а также выявить особенности построения текста. Исследование позволило уточнить круг лиц, ранее ошибочно идентифицируемых историками и краеведами (П.В. Вогак, А.А. Кузьмина-Караваева), показало особенности именования Ю.В. Буторовой круга лиц ее внутреннего, личного, окружения и внешнего, социального. Была установлена значительная сеть родственных связей Буторовых-Давыдовых и сформировавшаяся по ходу службы Юлии Буторовой система личных отношений, которая давала ей возможность оказывать определенное давление на принятие управленческих решений армейскими и краснокрестными властями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пушкирева Н.Л. У истоков женской автобиографии в России // Филологические науки. 2000. №3. С.64.

² Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности: историографический и методологический аспекты // Российская повседнев-

- невность в зеркале гендерных отношений: Сборник статей / Ответ. ред. и сост. Н.Л. Пушкарева. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С.54.
- ³ См., например, след. работы: История в эго-документах: исследования и источники / под ред. Н.В. Суржиковой. Екатеринбург: АСПУр, 2014. 369 с.; Документы личного происхождения в теории и практике научных исследований. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения медиевистов Арона Яковлевича Гуревича и Марэна Михайловича Фрейденберга / Н.В. Середа (отв. редактор). Тверь: Изд-во ТГУ, 2014. 240 с.
- ⁴ Савкина И. Разговоры с зеркалом и зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С.19.
- ⁵ См., например, след. работы: Мы. Женская проза русской эмиграции / Сост., вступ. статья и комментарии О.Р. Демидовой. СПб.: РХГИ, 2003. 624 с.; «Претерпевший до конца спасен будет»: женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 264 с.
- ⁶ См., например, след. работы: Добровольцы: Сборник воспоминаний / Под ред. Н.Д. Солженицыной. М.: Русский путь, 2001. 336 с.; *Жданова А.А.* Записки сестры милосердия Анны Ждановой / Сост.: В.В. Глафирова, Е.А. Селунская и др. Тверь: Триада, 2014. 240 с.; *Семина Х.Д.* Записки сестры милосердия. Кавказский фронт. 1914-1918. М.: Кучково поле, 2016. 850 с.; Быть сестрой милосердия. Женский лик войны. М.: Алгоритм, 2017. 288 с.; Августейшие сестры милосердия. М.: Вече, 2006. 464 с.
- ⁷ Россия 1917 года в эго-документах: Записки репортера / Пер. с англ. яз. М.И. Вебера, Я.А. Голубинова, Н.А. Михалева; науч. ред. Н.В. Суржикова; Ин-т истории и археологии УрО РАН. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 511 с.
- ⁸ Сызранский филиал Центрального государственного архива Самарской области (далее – СФ ЦГАСО). Ф.63. Оп.1. Д.2. Л.2.
- ⁹ СФ ЦГАСО. Ф.63. Оп. 1. Д.3. Л.31, 35, 81.
- ¹⁰ *Буторова С.Н.* Мои воспоминания. 1862-1917. Париж, б.и., 1999. С.55.
- ¹¹ См., например, след. работы: *Кулянина У.И.* Сестры милосердия на фронтах Первой мировой: гендерный аспект женской повседневности (по материалам дневников и писем Ю.В. Буторовой) // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т.13. С.1101-1105. URL: <http://e-koncept.ru/2015/85221.htm>. (дата обращения: 20.03.2018); *Молчанов А.В.* Сызранские дневники привели в Париж – URL: http://www.riasamara.ru/rus/news/region/municipal_news/article34477.shtml (дата обращения: 18.03.2018).
- ¹² *Буторова С.Н.* Мои воспоминания... С.17.
- ¹³ СФ ЦГАСО. Ф.63. Оп.1. Д.2. Л.19об.
- ¹⁴ Там же. Л.64.
- ¹⁵ Там же. Л.80об.
- ¹⁶ Там же. Л.49.
- ¹⁷ Там же. Л.38об.-39.
- ¹⁸ Там же. Л.5об.
- ¹⁹ Там же. Д.5. Л.45об.
- ²⁰ Там же. Л.4об.
- ²¹ *Буторов Н.В.* Прожитое. 1905-1920. М.: ВИКМО-М, 2009. С.7.
- ²² Российское общество Красного Креста. Список лиц, состоящих на службе общества в районе армий Северо-Западного фронта. Исправлен по 1 марта 1915 года / Российское общество Красного Креста. Седлец, 1915. С.19. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/14094#page/21/mode/inspect/zoom/4> (дата обращения: 18.03.2018).
- ²³ *Маклакова Н.В.* О родословной Д.В. Давыдова. URL: http://denis-davidof.narod.ru/Statj_2.htm (дата обращения: 20.03.2018).
- ²⁴ СФ ЦГАСО. Ф.63. Оп.1. Д.5. Л.83об.
- ²⁵ Там же. Д.2. Л.87.
- ²⁶ Там же. Л.83.
- ²⁷ Там же. Л.76.
- ²⁸ Список сестер милосердия Российского общества Красного Креста, назначенных для ухода за ранеными и больными воинами в лечебные учреждения Красного Креста, военного ведомства, общественных организаций и частных лиц. Пг., б.и., 1915. С.569.
- ²⁹ СФ ЦГАСО. Ф.63. Оп.1. Д.2. Л.25об.
- ³⁰ Там же. Л.16.
- ³¹ Там же. Л.98об.
- ³² *Буторов Н.В.* Прожитое... С.108.
- ³³ См., например, след. работы: *Семенова Е.Ю.* Межличностные контакты женщин поволжского города с военнопленными в период Первой мировой войны: столкновение индивида с коллективной психологической установкой // Частное и общественное: гендерный аспект: Материалы Четвертой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 20-22 октября 2011 года, Ярославль. М.: ИЭА РАН, 2011. Т.1. С.475-479; *Колоницкий Б.И.* Образ сестры милосердия в российской культуре эпохи Первой мировой войны // Большая война России: Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С.100-126; *Асташов А.Б.* Русский фронт в 1914 - начале 1917 года: военный опыт и современность. М.: Новый хронограф, 2014. 740 с.
- ³⁴ СФ ЦГАСО. Ф.63. Оп.1. Д.3. Л.44.
- ³⁵ Там же. Д.5. Л.66об.
- ³⁶ Там же. Д.3. Л.95.
- ³⁷ Там же. Д.5. Л.5об.
- ³⁸ Там же. Л.61.
- ³⁹ Там же. Д.3. Л.56.
- ⁴⁰ Там же. Д.2. Л.39.
- ⁴¹ Там же. Л.79.
- ⁴² См., например, след. работы: *Гладких П.В.* Медицинская служба русской армии в Первой мировой войне (1914-1917 гг.) // Военно-историческое наследие Первой мировой войны в Республике Беларусь и Российской Федерации: проблемы изучения, сохранения и использования: сб. науч. ст. Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2016. С.38-73; *Чистяков О.В.* Организационное устройство и деятельность Российского общества Красного Креста в годы Первой мировой войны (1914-1918 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009. 159 с.; *Пахалюк К.А.* «Неудобный помощник»: Российское общество Красного Креста на восточнопруссском фронте в годы Первой мировой войны (август 1914 - февраль 1915 года) // Время Великой войны: от глобального переустройства до трансформаций повседневности: сборник научных статей. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта,

2016. С.92-121.

⁴³ СФ ЦГАСО. Ф.63. Оп.1. Д.3. Л.37об.

⁴⁴ Там же. Л.62об.

⁴⁵ Там же. Д.5. Л.28об.; 42-44об.

⁴⁶ Там же. Д.3. Л.11.

⁴⁷ Там же. Д.2. Л.66.

**RECONSTRUCTION OF PERSONAL AND SOCIAL ENVIRONMENT OF NURSES
ACCORDING TO THE AUTODOCUMENTARY TEXTS BY YU. BOUTOROVA, 1914-1916**

© 2018 Y.A. Zherdeva, E.I. Sumburova

Samara State University of Economics

The article is devoted to the diaries and letters by a sister of mercy Yulia Boutorova (1885-1946) written in 1914-1916 in the South-Western front. The authors undertook the reconstruction of the personal and social environment of the sisters of mercy, establishing a hierarchy of personal relationships, social, and professional contacts of Boutorova. The main method of research was the content analysis of the text of diaries and letters which allowed to rank family, kinship, and professional relationships according to the frequency of references to them in the texts. The authors identify significant number of persons referred to Yulia Boutorova, the character of their activities and relationships. They managed to define a large network of Boutorovs-Davydovs and the system of personal relations of Yulia Boutorova which was formed during her service and allowed her to influence on the army command and the Red Cross leadership.

Keywords: history of Russia, the First world war, 1914-1918, sister of mercy, content analysis, diary, Boutorovs, Davydovs.

*Yuliya Zherdeva, Candidate of History, Associate Professor of
Institutional Economics and Economic History Department.
E-mail: jujuly@yandex.ru*

*Elena Sumburova, Candidate of History, Associate
Professor of Institutional Economics and Economic History
Department. E-mail: elena-sumburova@yandex.ru*